

Марина
СЕРОВА

Связанные навсегда

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Связанные навеки

«ЭКСМО»

2014

Серова М. С.

Связанные навеки / М. С. Серова — «Эксмо», 2014 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-699-76002-2

Частный детектив Татьяна Иванова и представить себе не могла, в какой водоворот событий ввергнет ее незапланированная поездка на известный лыжный курорт, в гости к неожиданно обнаружившейся тетушке Иде Леманн. У вновь обретенной родственницы пропала семейная реликвия – серебряная брошь в форме звезды, – и, кроме Тани, помочь тетушке никто не может. Но сама Ида не так проста, как хочет казаться, и знакомство с ней доставляет Тане множество личных проблем... А тут еще на курорт обрушивается снежная лавина! В таких сложных условиях частному детективу работать еще не приходилось....

ISBN 978-5-699-76002-2

© Серова М. С., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марина Серова

Связанные навеки

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

«Здравствуй, Танюшенька!

Вот, решила тебе написать. Конечно, может статься, ты вовсе и не помнишь такую старую калошу, как я. Что ж, это вполне естественно. С тех пор как мы последний раз виделись, ты стала молодой, наверняка интересной женщиной, а я... Я же успела разменять седьмой десяток, совершить немало опрометчивых поступков и, по своей глупости, превратиться на старости лет в никому не нужную, навязчивую особу! Увы, такова участь всех бездетных женщин!

Но я не ропщу, ты не думай. Я с оптимизмом смотрю на жизнь. У каждого – своя судьба. И еще меня поддерживает уверенность, что в любом возрасте не поздно все изменить к лучшему! Пусть у меня нет своих детей. Но у меня есть ты! Знаешь, в далеком прошлом ты очень любила бывать у меня. Вряд ли ты помнишь те счастливые для меня дни, ведь тебе тогда было не больше трех лет. Я же никогда не забываю долгожданные приезды брата, когда он, посадив тебя на плечи, врывается в мое скромное жилище со словами: «А вот и мы с Татьянкой!»

И теперь, долгими зимними вечерами, я, как тот литературный скупец, перебираю в памяти моменты ваших визитов. Как же мне хочется вернуть те минуты!! Каким теплом и уютом веет от воспоминаний давно минувших лет!

Милая Танюша! Могу ли я надеяться на встречу с тобой? Найдешь ли ты в наши суматошные дни время для удовлетворения желания престарелой родственницы? А желание, как ты понимаешь, у меня одно: как можно скорее восстановить связь с потерянной родней. Ведь что может быть печальнее одинокой старости?

У нас здесь дивный ландшафт. Любители зимних видов отдыха готовы отдать любые деньги, лишь бы побывать на наших курортах. Я же предлагаю тебе все это бесплатно! Несмотря на возраст, я сохранила обширные связи с «нужными» людьми. Горнолыжные спуски, прелестные зимние пейзажи, канатная дорога! Племяннице Иды Леманн будут открыты все доступные в городе развлечения.

Мне же нужно лишь немного внимания: поболтать перед сном о погоде, поделиться впечатлениями прошедшего дня. Вот и все притязания! А если и это окажется в тягость, то с меня будет достаточно молчаливого совместного завтрака. Все лучше, чем одиночество и непрерывные думы о том, что после смерти на твою могилу некому будет принести скромный букет ромашек!

Если же по каким-либо причинам твой приезд невозможен, не неволь себя! На письмо одинокой женщины не отвечай. Я пойму. Столько лет прошло. По сути, я тебе совершенно незнакомый и, следовательно, чужой человек. Будь счастлива!

Твоя тетушка Ида».

Я сидела на диване в своей однокомнатной квартире и в очередной раз перечитывала послание неизвестной «тетушки Иды», внезапно свалившееся на мою голову. Сколько я себя помнила, ни одной родственницы с таким именем, а тем более фамилией, у меня не было. Но заказное письмо, принесенное позавчера местным почтальоном, свидетельствовало об обратном.

Когда в дверь позвонили, я, изнывающая от безделья уже четыре дня, бросилась открывать в надежде увидеть потенциального клиента, который бы избавил меня наконец от вынужденного ничегонеделанья. Надежда оказалась напрасной. На пороге вырос почтальон, вручил мне послание и удалился в неизвестном направлении. А я, повертев конверт в руках, направилась в комнату для более подробного изучения полученной корреспонденции.

Конверт был новенький, словно только что купленный в киоске «Роспечати». Адрес соответствовал моему. Правда, фамилия в графе адресата отсутствовала, но имя в самом письме тоже было мое. Теряясь в догадках, кто бы мог избрать столь старомодный способ общения, я

приступила к ознакомлению с содержимым конверта. И, дочитав послание до конца, отчетливо поняла, что произошло недоразумение. Дело в том, что в довольно обширном списке моих родственников Ида Леманн не значилась. Причем ни ранее, ни тем более в настоящее время. Поэтому я со спокойным сердцем бросила письмо на журнальный столик, где оно неизбежно должно было затеряться в гряде журналов.

Однако ожидания не оправдались. Чем бы я ни занималась, мысли с завидным упорством возвращались к странному посланию. Думаю, этому в немалой степени способствовало состояние безделья, в котором я вынужденно находилась. Воображение то и дело подсовывало мне картины безрадостных одиноких вечеров, которые коротает моя новоиспеченная родственница. Вольно или невольно, но я постоянно задавалась вопросом: «А что сейчас делает тетушка Ида?» Может быть, сидит у заиндеветшего окна и высматривает, не идет ли по дорожке ее молодая, наверняка интересная родственница? И разочарованно понимает, что молодой родственнице нет никакого дела до ее старческих мечтаний и ожиданий!

А, собственно говоря, почему эта родственница, то бишь я, не может приехать на пару дней погостить к пожилой тетушке? Ведь особых дел, которые помешали бы воссоединению семьи, у меня в данный момент нет. Да и подышать свежим воздухом, а заодно пообщаться с тоскующей женщиной тоже было бы неплохо. Не в пример тупому сидению перед телевизором или бесполезным шатаниям по магазинам.

Подобные рассуждения и привели к тому, что через два дня после получения письма я, укутавшись любимым пушистым пледом, перечитала его снова. На конверте значился обратный адрес, согласно которому новоявленную родственницу я могла найти в городе Хаймынске, знаменитом своими меловыми горами и недавно открывшимся горнолыжным курортом. Последнее обстоятельство в свете текущего сезона было более чем актуально. На дворе стоял январь. Праздничные каникулы закончились неделю назад, следовательно, любители зимнего отдыха разъехались из Хаймынска выполнять свои трудовые обязанности. Моему пребыванию там ничто не мешает. А я заслужила передышку! С этим утверждением не стал бы спорить даже последний злодей. В то время как вся страна предавалась бурному веселью новогодних праздников, я вынуждена была добывать улики в деле об отравлении одной небезызвестной в городе особы. И, с честью завершив расследование, могла себе позволить еще и не такой отдых!

Окончательно придя к выводу, что есть смысл удовлетворить просьбу одинокой пожилой женщины, я приступила к сборам. То есть, найдя среди имевшихся сумок, баулов и чемоданов подходящий экземпляр багажного накопителя, стала методично складывать необходимые для поездки вещи. Если мне в гостях понравится, поездка может затянуться и на неделю. А это значит, что теплых вещей надо взять немало. Ведь побывать в Хаймынске и не посетить новенький, с иголки, горнолыжный спуск – это непростительная глупость! А уж раз я планирую катание на лыжах, то смена теплого белья просто необходима. Опять же не стоит отметить вероятность посиделок в местном ресторане. Значит, нужен вечерний туалет. А для уютных чаепитий в компании тетушки потребуется что-то более консервативное и по возможности домашнее.

Сборы мои прервал телефонный звонок. Поморщившись, я направилась к телефону, ожидая услышать душещипательную историю и просьбу о безотлагательной помощи. Нет бы обратиться со своими проблемами на день раньше, когда я еще и не думала об активном отдыхе! Так на тебе, как раз в тот момент, когда человек в кои-то веки решил на поездку, не связанную с профессиональной деятельностью, обязательно найдется желающий расстроить его далеко идущие планы!

– Иванова. Слушаю, – привычно проговорила я.

– Дорогая, не нужно быть столь официальной. Тебе ведь приходится не только на деловые звонки отвечать, – бархатным голосом запела трубка.

Вот и еще одна причина, по которой я с превеликой радостью отправлюсь в поездку! Хотя на несколько дней буду избавлена от необходимости объяснять непонятливому ухажеру, что его навязчивое внимание действует на нервы.

– Борис, ты, как всегда, не вовремя, – резко произнесла я. – У меня каждая минута на счету, так что если у тебя что-то важное, переходи сразу к существу вопроса. В противном случае ты рискуешь остаться без ответа.

Борис – мое наказание. Да, да, именно наказание! И наказание заслуженное. Чем я его заслужила? А своим доброхотством! Люблю, знаете ли, на досуге добрыми делами побаловаться. То старушку от гибели под колесами общественного транспорта спасаю, то молодой мамаше помогаю без коляски не остаться, то подростков от пагубных привычек избавлять бросаюсь. В случае с Борисом я поступила, как всегда, правильно, но опрометчиво.

Ровно пять недель назад я прогуливалась по набережной своего родного Тарасова. Несмотря на декабрь, погода стояла на редкость теплая. Солнце припекало почти как в апреле. Возле воды, пусть и заткнутой льдом, было немного прохладнее, но все равно по-весеннему радостно. Вот в таком приподнятом настроении я и наткнулась на Бориса. В отличие от меня он наступления весны посреди зимы не ощущал. Стоял у кромки полыньи и угрюмо вглядывался в водные глубины. Губы его были решительно сомкнуты в тонкую линию. Руки, втиснутые в узкие карманы демисезонного пальто, сжаты в кулаки. Повинуясь порыву, я решила заговорить с незнакомцем:

– Погода чудесная, правда?

Незнакомец косо посмотрел на меня и промолчал. Не удовлетворившись его молчанием, я продолжила попытку завязать разговор:

– Обычно в это время погода не в пример сегодняшней. Холод страшный. И снегопады. В принципе я люблю снег, но солнечные дни зимой так редки, что поневоле радуешься, когда вот так тепло и ярко, будто весной...

Взгляд незнакомца стал более осмысленным, но для разговора он все еще не созрел.

– Вам тоже нравится дышать воздухом матушки-Волги? – продолжила я.

Повернувшись ко мне вполоборота, мужчина разжал губы и процедил:

– Ненавижу воду. Особенно Волгу.

– Что же вы тогда здесь стоите?

– То и стою. Не вашего ума дело, – грубо ответил он.

До меня начал доходить смысл увиденного. Сжатые кулаки, угрюмый взгляд, полынья... Да ведь этот ненормальный решил свести счеты с жизнью! И это в такой замечательный, солнечный день! Вот уж действительно, кому радость, а кому кость в горле! Настроение сразу упало до нуля. Огорчившись больше тому, что мое радужное настроение спугнули, нежели тому, что рядом разыгрывается трагедия, я ляпнула первое, что пришло в голову:

– Прошу вас, подождите с осуществлением своих планов, пока я не налюбуюсь красотой пейзажа! Не очень-то приятно будет лицезреть Волгу с плавающими в ней останками всяких идиотов!

Произнеся эту фразу, я резко повернулась и направилась прочь. Причем шагала довольно быстро, так как была уже порядком на взводе. Мыслимое ли дело, прийти полюбоваться весенними видами любимой реки, а вместо этого встретить человека, способного использовать ее воды в корыстных целях! Да еще каких!

Пройдя метров тридцать, я услышала позади торопливое шарканье. Кто-то догонял меня. Не оглядываясь, я прибавила шаг. Преследователь сделал то же самое. Я стала двигаться еще быстрее. Скорость преследователя тоже увеличилась. И тогда я побежала. Что есть силы. Вперед. К невидимой цели. Лишь бы подальше от преследователя. Я уже догадалась, кого увижу позади себя, если вздумаю остановиться или хотя бы обернуться. А мне до смерти не хотелось снова встретиться с этим отрешенным, безжизненным взглядом!

– Прошу вас, стойте, – послышался за моей спиной голос преследователя, – Я не умею быстро бегать. У меня сердце...

Ну надо же! Минуту назад всего себя не жалел, а тут про сердце вспомнил! Бегать он, видите ли, не умеет!

– Может, вы еще и английский выучить не удосужились перед смертью? – мрачно пошутила я, останавливаясь. – И с парашютом прыгнуть забыли? А может быть, вы надеялись все это успеть уже после зимнего купания в полынье?

Незнакомец стоял против меня, согнувшись пополам и едва переводя дыхание после непривычно быстрого бега. Говорить он в таком состоянии не мог. Я же после пробежки чувствовала себя превосходно. А факт отсутствия у незнакомца возможности отбить мою словесную атаку только усилил поток язвительных высказываний. Злость за испорченное настроение обернулась желанием как можно сильнее уязвить незнакомца.

– Пальтишко-то могли бы и на берегу оставить. Каким-никаким бомжам пригодились бы. Рыбы человеческую одежду не носят, разве вы не знаете? Так что в следующий раз, когда пойдете топить, одежку советую снять. Хотя какая польза от вашего безумного поступка будет!

Выместив таким образом свою злость, я немного успокоилась и развернулась, чтобы уйти. Но тут незнакомец сказал первую вразумительную фразу:

– Простите меня! Вы совершенно правы. Я вел себя как настоящий идиот.

Теперь он казался абсолютно разумным существом. Смотреть на него было даже приятно.

– Борис, – протянув мне руку, произнес он.

Поколебавшись секунду, я ответила:

– Татьяна.

– Очень приятно, – выдал Борис банальную фразу.

– Очень приятно, – откликнулась я заученным шаблоном.

Одновременно оценив абсурдность ситуации, мы громко расхохотались.

И вот теперь, спустя долгие пять недель, я могу констатировать факт, что этот недолгий дружный смех был единственным светлым моментом в длинной череде наших встреч. После своего неожиданного спасения Борис решил, что знакомство со мной не случайно, а предопределено на небесах. В тот день он вызвался проводить меня до дому. Я неосторожно согласилась, о чем потом неоднократно жалела. Уж лучше бы наше знакомство закончилось прямо там, на набережной! Но, как известно, история не знает сослагательного наклонения. А Борис, как оказалось, не знает слова «нет».

Через два дня после нашего знакомства в дверь моей квартиры позвонили. На пороге я с удивлением увидела Бориса. В строгом, официального покроя костюме, начищенных до блеска зимних туфлях, с огромной охапкой белых роз в руках, он стоял и лучезарно улыбался. Я невольно заулыбалась в ответ.

– Это вам, – он протянул мне букет.

Я приняла цветы, вежливо поблагодарила гостя, но войти не предложила. Борис помялся на пороге, а потом преувеличенно бодро произнес:

– Собирайтесь, сегодня у нас запланирован поход в театр. Дают «Летучую мышь». Вы любите это произведение.

Честно говоря, я слегка опешила. Такой напор и льстил, и немного пугал. Но отвечать согласием на предложение Бориса я не собиралась. В первую очередь потому, что не люблю, когда за меня решают, чем заниматься в свободное от работы время. К тому же на тот момент я расследовала весьма запутанную историю и отвлекаться на походы в театр, пусть даже на один вечер, возможности не имела. Я попыталась мягко объяснить Борису причину отказа, но он и слушать ничего не хотел. Стоял столбом в дверях и твердил одно и то же как заведенный:

– Дорогая, но это же театр! Всегда можно выкроить вечерок для культурного отдыха!

Короче говоря, в тот раз мне пришлось смириться и посетить-таки местный Академический театр оперы и балета. Как ни странно, от спектакля я даже получила удовольствие. А вот по его окончании со всей решимостью обратилась к своему спутнику и объяснила, что не буду больше выполнять ни одного пункта его плана, что бы в нем ни содержалось. И даже просто встречаться с Борисом больше не собираюсь. Чтобы подсластить пилюлю, в конце я прибавила, что как только у меня появится время или желание развлекаться, Борис будет первым, кого я приглашу в спутники. Эта невинная фраза оказалась роковой.

С того дня Борис звонил не реже трех раз на дню, выясняя, не возникло ли у меня стремление к прекрасному или с предложением посетить модную выставку, которая открылась в Тарасове и продлится считанные дни. Еще хуже бывало, когда, вопреки моему строжайшему запрету, он поджидал меня на скамеечке возле подъезда, надоедая соседям расспросами. Теперь то и дело кто-нибудь из соседей, завидев меня издали, начинал понимающе улыбаться и ехидненько так спрашивал: «Вы с Борюсей уже встретились?» Или того хуже: «Что же вы, Танечка, кавалера своего по пять часов на морозе держите? Он ведь не борщ, от тепла не прокиснет». Сначала я отнекивалась, объясняла, что это вовсе не кавалер, а случайный знакомый. Соседи согласно кивали, но в очередной раз на горизонте вырисовывался Борис, и все начиналось сначала. Неудивительно, что тон мой в те моменты, когда я была вынуждена с ним разговаривать, становился резким, а порой даже грубым.

– Дорогая, – не реагируя на резкость тона, продолжил Борис, – тут у нас в Тарасове, в одном из небольших любительских театров, дают просто великолепную вещь. «Предложение» Чехова. Я думаю, нам стоит сходить. Слышал отзывы, все они положительные.

– Борис, сколько можно! – попыталась я вразумить его. – Ты прекрасно знаешь, что я никуда с тобой не пойду. Зачем же ты тратишь мое и свое время?

– Сегодня не сможешь, так мы на завтра встречу перенесем. – В голосе Бориса плескался оптимизм.

– Борис! – буквально закричала я в трубку. – Я не смогу пойти с тобой в театр ни сегодня, ни завтра. Никогда! Понимаешь? И вообще я завтра уезжаю.

– Как уезжаешь? Далеко? – всполошился он, и я сразу пожалела о своих словах.

– К родственнице. Ехать недалеко, всего каких-то двести километров. Но это надолго, – на всякий случай приврала я.

– Я должен ехать с тобой! – решительно заявил Борис.

Час от часу не легче! Вот только в поездке мне его не доставало! Но, на мое счастье, Борис опомнился сам.

– Да ведь как же я поеду? В страховой компании сейчас самый сезон, работа валом валит. Мне просто не вырваться. Ты же знаешь, Танюша, стоит мне ослабить контроль, как мои подчиненные тут же расползутся кто куда. А клиенты из агентства тем временем в другие конторы переметнутся. Нет, видно, придется связь по телефону держать. – В трубке послышался досадливый вздох.

Борис был владельцем процветающей страховой компании и жутко этим гордился. При каждом удобном случае он норовил напомнить собеседнику, что процветание фирмы – целиком и полностью его заслуга. В общем-то, Борис был вполне положительным представителем сильной половины человечества. Непьющий, не гулящий, состоятельный, представительный и так далее в том же духе. Чего ради он собирался оставить все это великолепие и отправиться на дно Волги кормить рыб, для меня осталось загадкой. Спросить было неловко, а сам Борис тщательно избегал воспоминаний о том дне. Сейчас он всеми правдами и неправдами старался казаться мне преуспевающим, богатым бизнесменом, каковым, в сущности, и являлся. Если не считать недавней минутной слабости. А мне что? Дело житейское. С каждым может случиться.

– Дорогая, ты уверена, что тебе стоит ехать? Может, лучше дождаться лета? Ведь не при смерти же твоя родственница? – Борис тщательно изображал заботливого супруга.

Это бесило меня больше всего. Каждый раз, когда в трубке раздавалось слово «дорогая», мне хотелось сказать: «Сегодня у нас грандиозные скидки! Все дорогое по цене дешевого», – ну, или что-то в этом роде. Честно говоря, не понимаю, как мужчины могут считать обращение «дорогая» ласковым. Или это способ самоутверждения? Мол, раз у меня баба «дорогая», то и я сам крутой!

– При смерти! – отрезала я и положила трубку.

Я прекрасно знала, что через секунду телефон зайдется переливами очередного звонка, но трубку снимать не собиралась. Как только телефон зазвонил, я перевела его на беззвучный режим и спокойно продолжила сборы.

* * *

Заваривая утром кофе, я хмурилась вместе с погодой. Как назло всю ночь валил снег. Под утро на землю опустился туман. Пушистые легкие хлопья за окном превратились в противную, жесткую крупу, которая сыпалась на землю в невероятных объемах. И теперь сквозь туман было видно, как холодный зимний ветер пригоршнями подхватывает ледяную крупу и бросает в окна. Ну почему погода испортилась именно тогда, когда я собралась выехать из дома для тихого, мирного отдыха? Плакали теперь и горнолыжная трасса, и канатная дорога, и зимние пейзажи. Может, отложить поездку? Нет, это было бы малодушно. Татьяну Иванову не напугать каким-то снегопадом! К тому же не стоит забывать, что меня там ждет одинокая пожилая женщина. А если с ней что-то случится, пока я буду ждать хорошей погоды? Или у меня дело какое-то появится? Тогда уж точно тетушке Иде старость в одиночестве коротать придется.

В общем, планы я решила не менять. Ровно в два часа дня стояла перед своей машиной. Закинула сумку с теплыми вещами в багажник, термос с горячим питьем – в бардачок и рванула навстречу приключениям. Чтобы, время от времени сверяясь с картой, благополучно добраться до нужного места. Улица, на которой расположился дом тетушки Иды, нашлась сразу. Это оказалась первая улица на въезде в город. Правда, тянулась она почти через весь жилой массив. И, конечно, нужный номер дома находился на дальнем ее конце. Но все равно к тетушке Иде я попала задолго до наступления ночи.

Стоя перед дверью квартиры, я пыталась представить себе, как выглядит престарелая, больная, одинокая женщина. И на что похоже ее жилье. Когда решался вопрос, отозваться ли на приглашение незнакомого человека или не влезать в эту авантюрную затею, почему-то не пришло в голову, что я могу встретить запустение или банальную бедность. Теперь же воображение рисовало только такие картины. По внешнему виду входной двери о благосостоянии хозяйки судить было трудно. Дверь не кричала ни о нарочитой роскоши, ни о вынужденной нищете. Чтобы больше не терзать себя сомнениями, я нажала кнопку звонка.

Из-за двери – ни звука. Нажала второй раз. Немного подождала. Услышала щелчок отпираемого замка. Только открылась дверь не нужной мне квартиры, а соседней. Я обернулась и увидела пожилую, но все еще интересную женщину лет шестидесяти с хвостиком. Решив, что соседка может знать о местопребывании тетушки Иды, я вежливо сказала:

– Добрый день, не подскажете, где я могу найти вашу соседку?

– А вы к ней по какому вопросу? – поинтересовалась женщина.

– Да вот, письмо от нее получила. С приглашением. Приехала, а ее нет.

– А вы, простите, ей кто?

– Честно говоря, не знаю. – Я виновато улыбнулась, – Судя по письму, племянница.

– Танюшенька? – обрадовалась женщина. – Что же я вас на пороге держу, проходите, милая! Я уж и не чаяла когда-нибудь с вами встретиться!

Я удивленно посмотрела сначала на женщину, потом на номер ее квартиры, затем перевела взгляд на адрес, написанный на конверте. Поняв причину моего недоумения, женщина пояснила:

– Вы на номер не смотрите. Квартира у меня сдвоенная. А номер на конверте указан меньший по счету. Очень удобно, знаете ли. Особенно когда нежелательные посетители нагрянут.

Я вспомнила Бориса и представила, как было бы удобно иметь запасной выход, чтобы пользоваться им при появлении такого гостя. Правда, в моем случае лучше бы было, если бы эти выходы располагались на разных этажах.

– Пожалуй, вы правы. Удобство бесспорное. А вы, значит, Ида Леманн? – на всякий случай уточнила я.

– Собственной персоной. Да вы проходите, – повторила женщина, – в квартире и познакомимся.

Я оказалась в уютной прихожей. Ида, закрыв дверь на три замка, приглашающим жестом указала на арку, ведущую в гостиную. Сняв верхнюю одежду, я проследовала за хозяйкой. Внутреннее убранство квартиры меня порадовало. Все опасения встретить в жилище новоиспеченной родственницы нищету и запустение оказались беспочвенными. Конечно, это не были хоромы подпольного миллионера, но в каждой вещи чувствовался достаток и хороший вкус хозяйки. Да и сама хозяйка оказалась далеко не «старой калошей», как она сама себя называла в письме. И выражение «на старости лет» тоже как-то не вязалось с внешностью тетюшки Иды. Скорее я назвала бы ее молодящейся особой. Аккуратная стрижка, насыщенный цвет волос без явного намека на химические красители, подобающий возрасту маникюр, слегка вызывающий макияж. Довершали образ дорогой спортивный костюм известной фирмы и теннисные туфли в тон костюма.

Пока я разглядывала окружающую обстановку, хозяйка успела накрыть на стол.

– Вы, голубушка, наверное, проголодались с дороги? Мойте руки и за стол. Будем по-семейному ужинать.

Против того, чтобы подкрепиться, я не возражала. Хозяйка указала мне, где найти удобства. Я вымыла руки и присоединилась к тетюшке.

– Может, по рюмочке за встречу? – предложила она. – У меня как раз имеется чудесная малиновая настоечка. Готовлю по собственному рецепту.

– Если только по рюмочке. Я, знаете ли, не особая любительница спиртного.

– Вот и правильно. От пагубных привычек нужно избавляться. Затянет – не выпутаешься. А вы молодцом, выглядите гораздо моложе своих лет, – и добавила себе под нос: – Наболтают злые языки, только слушай...

Почему тетюшка решила, что в список моих привычек входит употребление горячительных напитков, я не поняла, но уточнять было неловко. А хозяйка продолжала потчевать:

– Вот, Танюша, картошечка. С собственного огорода. И огурчики тоже оттуда. А биточки из свининки. Мой старинный приятель держит по старинке свиней на откорм. И мне иногда перепадает. Я как чувствовала, что вы приедете, всего час назад ужин приготовила. Одной-то мне много ли надо? А за компанию с вами, глядишь, аппетит и нагуляю.

Я решила не форсировать события, дать женщине выговориться, а уж потом начать расспрашивать. Тетюшка Ида весело болтала на самые разные темы, не забывая подкладывать мне в тарелку лакомые кусочки. В итоге через полчаса мой живот надулся, как бурдюк, переполненный водой. Одно неверное движение – и бурдюк лопнет, лишившись содержимого.

– Тетюшка Ида, вы позволите мне так вас называть? – обратилась я наконец с вопросом.

– Конечно, голубушка, это так мило звучит. По-семейному. – Хозяйка смахнула невидимую слезу. – А я, если позволите, буду звать вас Татьянка. И лучше бы на «ты». В письме, зна-

ете ли, было просто на «ты» обращаться. Я ведь писала маленькой девочке, которую помнила еще младенцем. А приехала ко мне взрослая девушка. И сразу стало неловко тыкать.

– Возражений не имею, – согласилась я.

– Вот и славно. А у меня для тебя сюрприз!

Хозяйка поспешила в соседнюю комнату и принесла небольшой клочок бумаги.

– Вот! – Она торжественно вручила листок мне. – Это номер телефона еще одного моего старинного приятеля. Позвонишь ему завтра утром, и он организует для тебя индивидуальную программу активного отдыха на нашем горнолыжном курорте! И, пожалуйста, не нужно меня благодарить. Родственники для того и существуют, чтобы доставлять друг другу радость.

Тетушка Ида просто лопалась от гордости за свою предусмотрительность и могущество. Пришлось двадцать минут рассыпаться в благодарностях. Когда я почувствовала, что хозяйка удовлетворена найденными мною словами, удалось наконец перейти к более насущным вопросам.

– Тетушка Ида, расскажите, пожалуйста, подробнее о нашей родственной связи. Из письма трудно было понять что-то конкретное. Признаюсь, меня привело к вам скорее простое чувство любопытства, чем семейные узы. Я даже не знаю, по чьей линии вы доводитеесь мне родней.

– Это и понятно. Не смущайся, голубушка, ты не виновата в том, что связь наша была прервана. Твоя родня не очень-то меня жаловала. Я в какой-то степени была в нашем роду паршивой овцой.

Смущаться я и не собиралась, но выказать это было бы невежливо. Так что, призвав на помощь все свои актерские способности, я изобразила подобающее случаю смущение. Вполне этим удовлетворившись, тетушка откинулась на подушку и предложила:

– Если тебе действительно интересно, я поведаю историю разлада, произошедшего в наших семьях. А заодно ты получишь ответы на все интересующие вопросы.

Выслушав мои заверения в искреннем желании проникнуть в семейные тайны, тетушка Ида начала свой рассказ:

– Когда я была еще очень молода, моложе, чем ты сейчас, я считалась невероятной красавицей. Поклонники ходили за мной толпами. Возле дверей дома собирались все видные женихи, какие только появлялись в нашем городе. Я могла выбрать себе в мужа кого угодно. От простого лесоруба до дипломата. Родители мои были людьми знатного рода. В прошлом, конечно. Но родословной своей гордились больше всего на свете. И для единственной дочери желали достойной партии. Корни наши восходили к древнему немецкому роду. Не буду забивать тебе голову подробностями. Сейчас фамилия Леманн уже никому не известна. А были времена, когда при одном упоминании этой фамилии у людей посвященных дыхание перехватывало от благоговения. Я же была молода и восторженна. Мне дела не было до всей этой благородной чепухи. Мечтала я об одном – о неземной любви с первого взгляда. А какого роду-племени будет мой избранник – дело десятое. Конечно, я была жутко избалованной особой. Отсюда и все ошибки молодости. Я тебя еще не утомила, голубушка? – спохватилась тетушка.

Я тем временем поняла две не особо приятные вещи. Первое – что до того момента, когда мы дойдем до сути, еще ой как далеко. И второе – на протяжении всего рассказа мне придется подавать соответствующие реплики, как в театральной постановке, где главный герой постоянно должен чувствовать одобрение зала. Немного жалея, что поддалась порыву и отправилась на встречу с абсолютно незнакомым человеком, я вынуждена была включиться в игру.

– Нисколько не утомили, тетушка Ида, вы такой интересный рассказчик! Пожалуйста, продолжайте.

– Спасибо, голубушка, – зарделась хозяйка. – Так приятно осознавать, что ты кому-то все еще интересна. В моем возрасте это большая удача. Ну, слушай дальше. В один прекрасный день в нашем городе появился молодой, статный моряк. Он приехал на побывку к сво-

ему приятелю. Приятель этот знался с моими родителями. В день, когда я впервые увидела этого моряка, родители мои принимали гостей в честь юбилея матушки. Народу собралось – не счесть. Был приглашен и приятель. И моряк напросился к нему в спутники. А тому было неловко оставлять гостя дома одного, и он осмелился просить у моих родителей разрешения привести с собой друга. Не подозревая, к чему приведет благосклонный ответ, мой отец дал согласие. А случилось то, что и должно было случиться. Мы увидели друг друга – и влюбились с первого взгляда. Именно так, как я и мечтала. Сначала мы встречались тайно. Тайно ото всех. Оказалось, что Петруша, мой возлюбленный, человек женатый. Да к тому же без роду без племени. Когда тайна наша открылась, общество было шокировано, отец мой впал в бешенство, грозился пристрелить Петрушу. Мать плакала, уговаривая меня не ломать свою жизнь, связывая себя с женатым человеком. Но нам было все равно. Мы твердо решили, что будем вместе. В те времена о разводе и помыслить было страшно, но я была уверена, что отцовское влияние преодолет этот запрет. Лишь бы уговорить его сменить гнев на милость. В конце концов отец поддался на мои уговоры, но поставил условие: Петруша должен был навсегда оставить морскую службу. На том и порешили. Петруша бросил службу, развелся с женой и переехал жить к нам. А через год его не стало. Болезнь сердца. И осталась я бездетной вдовой в полном расцвете сил!

Последние слова тетушка Ида произнесла сквозь рыдания. Я бросилась ее утешать. Вытирала лицо платком, совала в руки чашку с чаем. Тетушка упивалась суетой вокруг себя и успокаиваться не торопилась. Прошло не меньше двадцати минут, прежде чем она в полной мере насладились ролью безутешной вдовы. А наигравшись, заговорила абсолютно спокойным голосом:

– Прости, голубушка, не смогла сдержать чувств. Для меня события тех дней все еще не потускнели в памяти. Каждый раз, когда я вспоминаю своего Петрушу, со мной случается что-то подобное.

– Понимаю. Только вот мне все еще непонятно, каким образом во всю эту историю вписываюсь я.

– Да как же! – удивленно воскликнула хозяйка. – Я разве не сказала? Твой дед был двоюродным братом Петруши. Петрушина родня так и не смогла мне простить его развода. Я все время поражалась, почему они винят в этом только меня, будто Петруша был тут вовсе ни при чем! Они даже родниться с нами не хотели. Все, за исключением твоего деда. Он стал мне как брат. Я даже так его и называла. Когда ты родилась, твой дед частенько брал тебя с собой, когда ехал меня навестить. Но ты, конечно, этого не помнишь.

– Удивительная история! – искренне изумилась я. – Мне никто никогда об этом не рассказывал.

– В вашей семье старались не упоминать о «позорных» событиях тех дней. Думаю, даже имени моего рядом с Петрушиным не упоминали. – Тетушка Ида поджала губы.

Я, опасаясь, что тетушка предпримет попытку возобновить истерику, поспешила отвлечь ее внимание:

– Но про моряка Петрушу я тоже слышу впервые! Наверное, его имя тоже было запретным в нашей семье. Скажите, тетушка Ида, у вас сохранились фотографии тех лет? Было бы интересно взглянуть на них.

Хозяйка оживилась. Поднявшись с диванных подушек, она направилась в другую комнату, не умолкая на ходу:

– У меня четыре альбома. Сейчас я их принесу. И как это я сама не сообразила сразу показать их тебе!

Пока хозяйка ходила за альбомами, я получила временную передышку. И, сидя в гостиной, костерилась на чем свет стоит. Надо же было так вляпаться! Нажила себе на голову родственницу. Актриса каких поискать! Как теперь выпутываться буду? Отдохнуть и полюбо-

ваться красотами курортного края мне не светит. Эта гарпия меня ни на шаг от себя не отпустит. Я же ее единственный зритель! Теперь понятно, чем было продиктовано желание пожилой женщины восстановить давно утерянную родственную связь! Ей просто уши свободные нужны. А тут я подвернулась. И придется тебе, Танюша, изо дня в день выслушивать бесконечные истории о толпах поклонников бывшей красавицы, о безвременно ушедшем, горячо любимом муже и еще кучу подобных историй. Хорошо еще, я не сказала, каким количеством времени располагаю. До утра как-нибудь продержусь, а с первыми лучами солнца нужно рвать когти. Иначе недельного плена мне не избежать.

Вернулась хозяйка. Сгибаясь в три погибели под тяжестью четырех объемных альбомов, она дошла до дивана и, плюхнувшись на него, принялась листать страницы. Комментируя каждый снимок, тетушка называла невероятное количество имен и фамилий, каждого показывала на снимке и переходила к следующему. Я сидела, оглушенная таким наплывом информации. С каждой новой страницей в моей душе крепла уверенность, что речь идет о совершенно посторонних мне людях. Когда тетушка открыла третий альбом, мое терпение кончилось. Не думая о последствиях, я выпалила:

– Мне кажется, произошла какая-то ошибка. Эти люди мне незнакомы. Ни один из них. Это не моя родня.

– Что ты такое говоришь, голубушка! Нельзя отказываться от родных! – возмутилась тетушка Ида.

– Вы неправильно меня поняли. От своей родни я не отказываюсь. Просто у нас с вами совершенно разная родня. Понимаете, я думаю, что вовсе не являюсь вашей родственницей.

– Подожди, не кипятись, Татьяна, – примирительно произнесла хозяйка. – Вот дойдем до снимков, на которых изображена ты, тогда и поймешь, что к чему. А сейчас ты знакомишься с теми, с кем не могла общаться из-за вредности своей матери.

– Давайте оставим в покое моих родственников и перейдем сразу к моим снимкам. Чтобы выяснить все до конца, – твердо сказала я.

Недовольная тем, что я осмелилась прервать такое увлекательное мероприятие, тетушка Ида все же взяла в руки четвертый альбом. Полистав его, она повернула ко мне небольшой мутный снимок и произнесла:

– Вот, теперь ты можешь убедиться в моей правоте! Это ты на руках матери. Рядом стоит твой дед, а рядом с ним – я. Снимок сделан, когда твоя мать единственный раз, под нажимом свекра, согласилась ко мне приехать.

Мне даже не понадобилось вглядываться в идиллическую картину, представляющую воссоединение семьи. И без того было понятно, что никакого отношения к тетушке Иде я не имею. И от этого открытия я получила несказанное облегчение!

– Мы с вами не родственницы, – заявила я. – На снимке запечатлена не я. Это совсем другая семья.

– Не может быть! – не поверила хозяйка. – Вот тут и подпись имеется.

Ида вытащила снимок из уголков, поддерживающих фото, и предъявила мне надпись. «Семья Коровиных. Георгий, Лана и Татьяна», – прочитала я на обороте фотографии. Прелесть! Я чуть было не стала Коровиной. Хорошо еще – не Верблюдовой! Меня разобрал смех. Коровины. Бывает же такое! А я, как дура последняя, приперлась за семь верст родню искать! И как мне теперь, скажите на милость, объяснить свой визит этой упрямой женщине? Чего ради я здесь сижу, рассматриваю дореволюционные фото, выслушиваю откровения пожилой дамы, ем ее еду, пользуюсь ее гостеприимством? Стоп! Должна быть какая-то простая причина, по которой эта дама отправила мне письмо с просьбой о встрече. Точно, письмо!

Я поспешила в прихожую,хватила оттуда свою сумочку, в которую впопыхах сунула письмо. Вернувшись в гостиную, достала конверт и начала внимательно его разглядывать. Хозяйка квартиры теперь смотрела на меня обеспокоенно. Да и как тут не забеспокоиться,

когда в твоей квартире сидит совершенно посторонний человек, а на дворе глубокая ночь, и ты с этим человеком остался один на один? Именно такие мысли отразились на лице бедной женщины. Но я поспешила ее утешить:

– Послушайте, Ида, вы только не волнуйтесь. Мы сейчас во всем разберемся. Посмотрите, это ваше письмо? – Я протянула хозяйке конверт.

Ида повертела конверт в руках, вынула содержимое, пробежала глазами знакомые строчки и утвердительно кивнула.

– Ну вот. Причину моего приезда мы выяснили. Теперь осталось выяснить, как вышло, что это письмо доставили мне. Может быть, вы указали неверный адрес?

Ида снова взяла конверт в руки, перечитала адрес и сказала, что он верный. Я сделала другое предположение:

– Быть может, ваша родственница раньше жила в этой квартире, а потом переехала в другое место?

– Да нет же, – у хозяйки опять прорезался голос. – Всего год назад я писала Татьяне точно такое же послание. И она ответила мне, что приехать не может, но пообещала выбраться на следующий год. Я сейчас принесу ее ответ.

Хозяйка снова вышла из гостиной и вскоре вернулась с конвертом в руках. Я протянула руку, и она отдала конверт мне. Внимательно изучив неровный, какой-то не сформировавшийся почерк, я поняла причину ошибки. Чтобы убедиться в своей правоте, я еще пристальней присмотрелась к адресу, написанному на конверте, полученном мной. Так и есть. Все дело в одной лишь букве.

– Я поняла, почему получила ваше послание вместо истинного адресата. Посмотрите, в названии улицы вы нечетко прописали букву. Хотели написать «м», а получилось похоже на «ли». Вот на почте и напутали. В итоге улица поменяла название, а письмо – адресата. А тут еще имя совпало. Так что ваша настоящая родственница не имела возможности приехать по вашей просьбе. Вместо нее откликнулась я. Все просто. Никакой мистики.

Пожилая женщина смотрела на меня удрученно. Смысл сказанного до нее, несомненно, дошел, но примириться с потерей столь благодарной слушательницы было не так-то просто. Я же почувствовала себя на седьмом небе от счастья. Иметь в родственниках тетушку Иду не было самым горячим моим желанием!

– То-то я думаю, больно вы молоды для того, чтобы быть моей Татьянкой. Сколько вам лет? Двадцать пять?

– Двадцать семь.

– А Коровиной Татьяне поди уж тридцать семь! Вот я курица глупая! Размечталась. Видно же, что вы девушка интеллигентная, образованная. А Татьянка, по всему выходит, быть такой не может. Корни не те. И что же теперь делать?

– Что делать? Переслать письмо настоящей родственнице, предварительно поменяв конверт. И ждать ее приезда. А мне пора и честь знать. Время позднее, но, думаю, места в гостинице еще не все заняты. Переночую, а завтра с утра отправлюсь домой. Не подскажете, на какой улице у вас гостиницы располагаются?

– Зачем же вам гостиница, голубушка! – захлопала хозяйка. – Раз уж так вышло и вы попали ко мне ошибочно, самое малое, что я могу для вас сделать, это предложить ночлег. Право, сегодня я вам столько всего наговорила, что уже чувствую за вас ответственность.

В чем связь между чужими семейными откровениями и ответственностью за меня, я не поняла, но искать среди ночи гостиницу мне не особенно хотелось. Я колебалась. С одной стороны, надо было как можно быстрее покинуть этот дом вместе с его артистичной хозяйкой, с другой – я не испытывала никакого желания глухой зимней ночью колесить по чужому городу в поисках ночлега. Почувствовав мои сомнения, хозяйка решительно встала.

– Постелю вам в гостевой комнате. Там тепло и уютно. И наверняка удобнее, чем в местной гостинице. Переночуете, а утром решим, что делать дальше.

С этими словами хозяйка удалилась. А я осталась сидеть в гостиной. Через несколько минут Ида крикнула, что комната готова. Я прошла на голос. Комната, которую она мне предложила, была действительно теплая и уютная. Пожелав спокойной ночи, хозяйка оставила меня одну. Отбросив сомнения, я вынула из дорожной сумки пижаму, переделась и, накрывшись пуховым одеялом, мгновенно уснула.

Глава 2

– Поднимайтесь, лежебока. Завтрак стынет, – просунув голову в дверь спальни, по-свойски сообщила тетушка Ида.

Вставать не хотелось, и причин тому было несколько. Легли вчера поздно. Свежий воздух небольшого городка, не испорченный заводами и избыточным транспортом, располагал к приятным сновидениям. Но главной причиной моего нежелания вылезать из-под теплого одеяла было то, что Ида оказалась ранней пташкой. Когда ее голова возникла в дверном проеме, часы показывали только половину восьмого утра. Эх, поваляться бы еще хоть часок! Но правила хорошего тона мне этого не позволяли.

Нехотя поднявшись с кровати, я поплелась в ванную комнату. Хозяйка предусмотрительно приготовила мне свежее полотенце, распечатала новый кусок банного мыла, достала два вида зубной пасты. И даже новую, в упаковке, зубную щетку выложила на случай, если бы я не позаботилась о средствах гигиены самостоятельно. Это было очень мило, и мое настроение, подпорченное ранним подъемом, слегка улучшилось. Когда же я, умытая и причесанная, появилась на кухне, настроение окончательно пришло в норму. Витающие в воздухе ароматы навевали воспоминания детства. К запаху гренков и молочной каши примешивался едва уловимый аромат какао.

Тетушка Ида колдовала над плитой. Она приветливо улыбнулась и приглашающим жестом указала мое место.

– Садитесь, голубушка, потчевать вас буду.

В свете вчерашних открытий Ида вновь стала называть меня на «вы». Я же, мысленно, конечно, по-прежнему именovala ее тетушкой Идой. Завтрак прошел в непринужденной обстановке. По молчаливому согласию ни я, ни хозяйка не упоминали о вчерашнем казусе. Ида перестала притворяться немощной старушкой, что существенно облегчило наше общение. Покончив с кашей и гренками, я взглянула на часы и поразилась, как много времени мы провели за столом. Было уже почти десять часов. Все-таки тетушка Ида – порядочная болтушка.

Заметив, что я украдкой посматриваю на часы, Ида предложила перейти в гостиную. Я не возражала. Убегать от пожилой женщины прямо из-за стола неловко. Как и вчера, тетушка Ида расположилась на диванных подушках. Я присела рядом. Немного помолчав, она печально вздохнула.

– Жаль, что вы оказались не той Татьяной, которую я ждала. Признаться, мне было бы приятно иметь такую родственницу. За время нашего короткого знакомства я странным образом успела к вам привязаться. А теперь что? Ждать, когда откликнется кто-то из родни? Надеяться на приезд истинной Татьяны, Коровиной? Только что-то мне подсказывает, что ждать я буду ой как долго! Да и дождусь ли, в моем-то возрасте?

– Обязательно дождетесь, – обнадежила я. – Татьяна Коровина непременно приедет, как только получит ваше письмо! Я же приехала. И она приедет.

– Ох, голубушка! – Тетушка Ида начала входить в роль одинокой особы. – Сколько уж их было, писем этих! И на каждое – только обещания. «Приеду на следующий год». Вот и весь сказ.

– А вы надежды не теряйте, – продолжала я. – Пишите каждый год, она и приедет.

– Я целую ночь не спала, все думала, как же так вышло, что вы, посторонний человек, откликнулись на первое же письмо.

Ида хитро на меня посмотрела, и я поняла, что дальше по ее плану наступает время о чем-то меня просить. И не ошиблась.

– Вот что мне в голову пришло, – ее взгляд стал еще хитрее. – Если бы мне не по почте письмо Татьяне передать, а лично в руки, глядишь, и оттаяло бы ее сердце. И приехала бы она к постели умирающей тетушки.

Хозяйка выжидающе смотрела на меня. Я делала вид, что не понимаю намека, а про себя думала: «Ну, хитра! Расчет у тебя верный. Одно дело – давать обещание безликой бумаге и совсем другое – живому свидетелю. А мне, выходит, отведена неблагодарная роль этого самого свидетеля». Поняв, что я не спешу заглатывать наживку, хозяйка удвоила старания.

– Неизвестно, сколько их осталось, деньков моих. Возможно, вы моя последняя надежда на воссоединение семьи. В жизни ведь все не случайно. Вот и вы ко мне неспроста попали. Может, это знак? – Ида театрально сложила руки в умоляющем жесте. – Прошу вас, не откажите пожилой женщине! Уж будьте так любезны, отвезите письмо моей родственнице. Вам же это большого труда не составит, правда? Просто передадите письмо Татьяне, расскажете на словах, как горячо я жду ее приезда, и все!

На такую пламенную речь отказом мог ответить только совершенно бесчувственный человек. Ида это прекрасно понимала. Понимала и я. Смирившись с неизбежным, я согласно кивнула. «Умирающая» повеселела, вскочила, засуетилась, вытащила из кармана заранее заготовленный конверт и протянула мне со словами:

– Я была уверена, что вы не откажете мне в моей просьбе. Я и адресок поразборчивее написала.

Кто бы сомневался! Меня и на ночлег оставили здесь с расчетом, что я вынуждена буду выполнить неблагодарную миссию – поехать и пристыдить настоящую родственницу тетушки Иды. Вот, мол, бросили на произвол судьбы пожилую женщину, а у нее всех желаний-то – с родной кровиночкой словом перемолвиться. Да, попала я с этой поездкой как кур в ошип. Поделом тебе, Татьяна Иванова, впредь не будешь такой любопытной! А хозяйка, словно прочитав мои мысли, залебезила:

– Вы, Танечка, не думайте, что я обузой своей родне стану. Будет им от меня и польза. Я ведь деток-то не имею, а нажитое кому-то оставлять придется. Вот пообщаемся мы с Татьяной, я ей свои сбережения и отпишу. Если человеком достойным окажется. А главное, есть у меня дело нерешенное. В нашей семье уже несколько поколений хранится брошь. Ценность ее невелика, если деньгами мерить. Но традиции семьи накладывают на меня ответственность за дальнейшую судьбу броши. Мне она была подарена матерью на совершеннолетие. А я, следовательно, должна была передать ее своей дочери, если бы таковая у меня имелась. Или же супруге моего первенца, если бы рождались у меня одни мальчики. Своим детям передать семейную реликвию я возможности не имею, вот и приходится искать достойного кандидата из числа дальних родственников. Да я вам сейчас ее покажу, вы сами все и поймете.

Тетушка скрылась в глубине квартиры. Послышался скрип открываемых засовов, стук деревянной крышки, и наконец Ида появилась в дверях, неся на бархатной подушечке ювелирное украшение. Протянув мне подушечку, она с гордостью сообщила:

– Считается, что эту брошь привез из Австрии мой прапрапрадед и преподнес своей супруге в честь рождения дочери. С тех пор и передают ее в семье по наследству девицам на совершеннолетие.

Я стала разглядывать украшение. Массивная брошь размером в пол-ладони была выполнена из серебра и инкрустирована полудрагоценными камнями. По форме она напоминала асимметричную звезду с множеством лучей. Изделие по современным меркам довольно безвкусное, но если его возраст насчитывает несколько поколений семьи Леманн, то стоимость этой безвкусицы может оказаться нешуточной. Я была слегка смущена тем, что Ида Леманн демонстрирует такую дорогую вещь человеку, по сути, совершенно постороннему. Буквально первому встречному. С моим опытом по части криминальных драм такое поведение казалось

вдвойне неосмотрительным. Сама же владелица броши в своем поведении ничего неосмотрительного не замечала.

– Чудесная брошь, верно? – любуясь украшением, сказала Ида. – Как вы думаете, Татьяне понравится мой подарок?

Отчасти не желая разочаровывать пожилую женщину, отчасти оттого, что действительно так считала, я ответила:

– Думаю, Татьяна будет на седьмом небе от счастья.

Хозяйка зарделась, как красна девица от комплимента ухажера. Отобрав у меня подушечку с украшением, она попросила:

– Вы, когда будете письмо передавать, обязательно про брошь скажите.

– Именно так я и собираюсь поступить, – заверила я.

После этого мы обсудили детали моего визита к Коровиной, обменялись номерами телефонов и, уговорившись созвониться, расстались.

Из Хаймынска я выехала в полдень. Погода прояснилась, но дороги, как водится, в порядок приводить не спешили. Впереди меня ожидал нудный заснеженный путь. Благополучно миновав пост ДПС, я оказалась один на один с последствиями зимней стихии. Двигаться по занесенным дорогам – удовольствие сомнительное, но выбирать не приходилось.

Проехав километров тридцать, я оказалась у выезда на основную трассу и, поздравив себя с тем, что без приключений выбралась из провинциальной глубинки, приготовилась к завершающей стадии путешествия. Впереди простиралась пустынная трасса. Редкие автомобили проносились мимо, не задерживая на себе моего внимания. Прибавив скорость, я ехала по трассе, размышляя над превратностями судьбы. Вот ведь как в жизни бывает. Живет человек, день за днем век отмеряет, о старости и не задумывается. А старость – она тут как тут. «Привет, – говорит, – человек! Не ждал меня? Напрасно! Я вот о тебе не забывала, с нетерпением встречи ждала. А ты, как водится, к встрече-то и не готов? О чем мечтал в молодости – не сделал. Из того, что планировал, – ни одного пункта не выполнил. Дом не построил, дерево не посадил, сына – и того не воспитал! Все думал, успеется. А время-то – вещь коварная, обратного отсчета не ведет!» И начинает человек суетиться. Наверстывать упущенное. О родне давно забытой вспоминает, примирения ищет. Так вот и моя случайная знакомая. Прожила жизнь, о Коровиных и не вспоминая. Без них хорошо было. А то плохо ли? Ни проблемы, ни заботы дальней родни размеренности жизни не нарушали. А когда старость пришла да одиночество одолело, без зазрения совести свои горести и печальные мысли им навязывать надумала. Хотят не хотят – дело десятое. Лишь бы самой без зрителей не остаться.

Размышления мои прервал автомобильный сигнал. Взглянув на дорогу, я резко ударила по тормозам. Машину занесло, но мне чудом удалось избежать столкновения с невероятной снежной лавиной, стремительно надвигающейся на дорогу. Позади меня, на самой обочине, остановился автомобиль, минуту назад подавший сигнал. Не понимая, откуда на пустынной трассе возникла такая прорва снега, я во все глаза наблюдала за тем, как снежный водопад приближается к моей машине. Вдруг дверь возле водительского сиденья распахнулась, и передо мной возник мужчина средних лет.

– Бегом из машины! – скомандовал он.

– С какой стати? – возмутилась я.

Не вдаваясь в объяснения, он выдернул меня с водительского сиденья, запрыгнул на мое место и, захлопнув дверь, ударил по газам. Я, чтобы не оказаться под колесами собственного авто, вынуждена была отскочить в сторону. Выкрутив колеса до отказа, мужчина направил мой автомобиль к обочине, прижимая ее к самому краю дороги. Для выполнения этого маневра ему понадобилось въехать буквально в гущу придорожных посадок. «Краске хана!» – успела подумать я. В следующую секунду на меня обрушился шквал грязно-белого придорожного снега. Пытаясь удержаться на ногах, я сделала несколько шагов по направлению к обочине.

Мужчина, минуту назад так бесцеремонно лишивший меня транспорта, уже бежал на выручку. Под натиском снежной волны я стала падать лицом вперед. В последнюю секунду незнакомец сгреб меня в охапку и потащил в неизвестном направлении. А я из последних сил пыталась освободиться из плена крепких рук.

– Да перестань ты брыкаться, – закричал он, – а то отшлепаю!

Взвалив меня к себе на плечо, мужчина бегом побежал к кустам, росшим вдоль обочины. Добравшись до своей машины, он рывком забросил меня в сугроб и сам нырнул следом. Лежа в неудобной позе, я наблюдала, как мимо проплыла чудо-машина, оборудованная высокой прямоугольной трубой, из которой к небу широким потоком вылетал снежный водопад. Постепенно до меня начал доходить смысл происходящего. В душе просыпалась благодарность и невольное уважение к спасителю. Снегоуборочная машина скрылась за горизонтом, а я все еще лежала в сугробе, приходя в себя после стремительных событий.

– Долго валяться собираешься? – грубовато пошутил мой спаситель, выбираясь из сугроба. – Так и до воспаления легких недалеко. Стоило тебя от завала спасать, чтобы ты на больничной койке загнулась?

Протянув руку, мужчина помог мне принять вертикальное положение. До трассы я добралась самостоятельно. Пытаясь очистить одежду от снега, я искоса поглядывала на спасителя. Вздыхнув, мужчина принялся мне помогать. Ловко орудуя снятым с шеи шарфом, он в мгновение ока избавил меня от налипшего снега.

– Видать, не местная, – произнес то ли вопросительно, то ли утвердительно.

– Не местная, – согласилась я.

– Оно и видно. Вона в какую беду чуть не угодила! – смущаясь своего героизма, проворчал он. – Если б не мои срочные дела, лежать бы тебе сейчас под метровым слоем снега, замурованной в машине. Думаешь, почему трасса пустая?

– Почему? – послушно спросила я.

– Да потому что знаки люди читать умеют! На повороте знак для кого поставили? Работает снегоуборочная техника. А это что значит? А это значит, что ноги с дороги уносить нужно! Наши снегоуборщики на трезвую голову нипочем работать не станут. Местные все знают и от греха подальше в объезд идут. А вот такие, залетные, – он указал пальцем на меня, – прут напролом. В этом году уж троих завалило.

Я ахнула. Спаситель, успокаивая меня, поспешно добавил:

– Не до смерти, конечно. Откопали их вскорости. Да приятного в этой процедуре все равно мало.

– А что же власти на такое безобразие сквозь пальцы смотрят? – возмутилась я.

– Властям-то что за забота? Дорога чистая, и ладно.

Помолчав немного, мужчина поинтересовался:

– Путь-то куда держишь?

– Домой еду. В Тарасов.

– За руль сесть сможешь? Или подвезти? – снова смущаясь, предложил он.

– Сама справлюсь. Вы меня и так здорово выручили.

– Ну, как знаешь, – вздохнув, произнес мужчина. – А то смотри, могу на буксир взять. Ехать нам в одну сторону, неудобств никаких.

– Доберусь, не беспокойтесь, – заверила я. – Теперь осторожней буду.

Он еще некоторое время помешкал, потом махнул рукой и направился к своему автомобилю. Я двинулась в противоположную сторону. Дойдя до машины, оглянулась. Мужчина уезжать не торопился. Видно, хотел удостовериться, что у меня все в порядке. Я села за руль, завела двигатель, хлопнула дверью и, помахав ему на прощание, медленно выехала на трассу. Помахав мне в ответ, мужчина забрался на водительское сиденье и двинулся следом. Так мы

и ехали: я впереди, он следом. У въезда в Тарасов он посигналил, прощаясь. Я дала ответный сигнал. Мой спаситель исчез за поворотом.

* * *

Въехав в Тарасов, я первым делом решила посетить родственницу тетушки Иды, чтобы, избавившись от всех обязательств, со спокойной совестью вернуться домой. Улица, на которой располагалось жилье Татьяны Коровиной, находилась на приличном расстоянии от моей. Зато район был мне знаком, поэтому проблем с поиском нужного дома не возникло. Припарковавшись во дворе, я направилась выяснять, в какой подъезд заходить. Изучив табличку при входе, путем нехитрых вычислений выяснила, что интересующая меня квартира находится на третьем же этаже.

Поднявшись по лестнице, я внимательно осмотрела нужную дверь квартиры. Простая, деревянная, покрашенная масляной краской дикого фиолетового цвета, со следами бесконечной смены замков. Судя по всему, племяннице тетушки Иды было явно не до поездок по близлежащим районным городкам. Если даже дверь в собственную квартиру Татьяна Коровина держала в таком плачевном состоянии, можно себе представить, что я увижу за дверью!

Звонок отсутствовал. Для привлечения внимания хозяев квартиры посетителям следовало стучать. Что я и сделала. Постучав три раза, стала ждать результата. За дверью не было слышно ни звука. Решив, что стучала недостаточно громко, я принялась колотить в дверь ногами. Через пару минут мои усилия увенчались-таки успехом. Внутри послышались звуки шаркающих шагов. Еще через минуту из-за двери раздался хриплый голос, принадлежащий не то мужчине, не то женщине:

– Чего надо?

– Татьяна Коровина здесь проживает? – громко произнесла я.

– Чего надо? – послышался тот же вопрос.

– Мне нужна Татьяна Коровина, – терпеливо повторила я.

– Надо-то чего? – не сдавался голос.

– Я привезла для нее послание от тетушки Иды.

– Просунь под дверь, – распорядился голос.

Открывать мне явно не собирались. Потоптавшись на месте, я произнесла:

– Послание устное, под дверь подсунуть не получится. – Я надеялась, что это заявление заставит-таки собеседника открыть передо мной дверь.

Надеялась я напрасно. Невидимый собеседник молчал, видно, обдумывал ситуацию. Я ждала. Молчание затягивалось. Потеряв терпение, я громко произнесла:

– Послушайте, у меня не так много свободного времени, чтобы часами торчать под вашей дверью. Ида Леманн ждет Татьяну для беседы о наследстве. Если вас это не интересует, так и скажите. Я напишу Иде, что наследство Татьяну не интересует, и дело с концом!

Мои угрозы возымели действие. Хлипкий замок пришел в движение, дверь медленно приоткрылась, и моему взору предстала странного вида женщина. Короткая «выщипанная» стрижка, старые выцветшие брюки некогда синего цвета, огромная линиялая футболка с изображением медведя-панды на груди. Лицо без косметики и без следов какого бы то ни было ухода. Определить возраст возможности не представлялось. Она критически осмотрела меня и только после этого сделала молчаливый знак войти. Я оказалась в прихожей, заваленной старыми газетами и журналами, и остановилась, ожидая, что хозяйка укажет, в какую комнату пройти. Женщина стояла молча. Пришлось брать инициативу в свои руки. Я двинулась по направлению к единственной открытой двери. Пройдя в комнату, которую гостиной можно было назвать лишь с натяжкой, выбрала стул почище и поставила на него свою сумку. Присаживаться на сомнительного вида конструкцию побоялась.

– Татьяна Коровина – это вы? – спросила я у хозяйки.

– Ну я, – откликнулась она. – А вы, собственно, кто?

– Меня зовут Татьяна Иванова. Ваша тетушка послала вам письмо с приглашением погостить у нее. По чистой случайности это письмо вместо вас получила я. И, откликнувшись на приглашение, познакомилась с Идой Леманн. Когда выяснилось, что я не ее племянница, Ида попросила меня лично встретиться с вами и передать на словах, что пожилая женщина жаждет встречи. Она действительно очень хочет встретиться с вами. Мечтает о воссоединении семьи.

– Пойдем-ка на кухню. Башка болит, сообразить ничего не могу.

Не дожидаясь моего согласия, хозяйка отправилась на кухню. Я проследовала за ней. Кухня меня обескуражила даже больше, чем захламленная гостиная. Небольшой стол на две персоны, крашенные деревянные табуретки. На стене сиротливо висела старенькая полочка, завешенная ситцевой занавеской времен моей бабушки. Допотопный холодильник из той серии, которая не имела даже приличной морозильной камеры. Проржавевшая раковина с капающим краном. Из украшений кухня могла похвастаться только «декабристом», распустившимся на подоконнике пышным малиновым цветом.

Глядя на все это великолепие, я спросила:

– Татьяна, простите за прямой вопрос, но вы хоть где-то работаете?

Хозяйка прошла к холодильнику, открыла дверцу, достала бутылку крепкого пива. Переместилась к мойке, заваленной грязной посудой, выбрала прозрачный граненый стакан, ополоснула его под краном и тут же наполнила из бутылки. На мое счастье, гостеприимством Татьяна не страдала, поэтому я была избавлена от необходимости отказываться от «шикарного» угощения. По всей видимости, пить она предпочитала в одиночку. Отхлебнув пару глотков, решила, что пришло время ответить на мой вопрос.

– Работаю, не сомневайся! Задарма меня кормить желающих нет! А что до Иды твоей, то мне и так по закону ее наследство перейдет. Я ведь правила знаю. У них в семье положено все сбережения дочери передавать. Ну, или родственнице женского пола. А женского я у них одна. Так что ехать мне к старухе резона нет. Только деньги катать.

– Значит, наследство вы все-таки ждете? – уточнила я.

– Ну, не то чтобы жду, – протянула Татьяна Коровина не совсем искренне, – но лишним оно мне точно не будет. Сама видишь, как живу. Квартира и то не моя. Здесь еще братец мой прописан. Квартплату, подлец, не вносит, а как делить надумает, так мигом примчится.

– Где же он сейчас живет? – спросила я из любопытства.

– У бабы своей. У него каждый год новая баба. Какая пригреет, у той и живет. Больше года еще ни одна не выдерживала.

– Что так?

– Балбес он. Работать не хочет, по хозяйству не помогает. Проку от него никакого. Посмотрит очередная баба, посмотрит, да и выгонит братца. А он припрется сюда и давай права качать! Потом другая дура на него клюнет, он и сваливает. Мне передышка.

– Может быть, вам к тетке переехать? Квартира у нее большая. В средствах она не стеснена. Найдете себе работу. Будете жить вдвоем. И вам хорошо, и пожилая женщина под приглядом.

– Пустит она к себе, как же! Она за всю жизнь ни одного доброго дела не сделала, думаешь, на старости лет что изменится? Она и письма эти пишет только для того, чтобы уши свободные найти. А приеду я к ней, так она и на порог такую, как я, не пустит. Она ж «благородных кровей». Мы ей не чета.

– А вы пить бросайте, чистоту в квартире поддерживайте, работу попрестижней найдите. Ну и себя в порядок приведите, конечно. Вы кем работаете?

– Кем-кем. Подъезды мою! А что, кто-то должен и эту работу выполнять. Зайдешь вот в подъезд, а там грязь до потолка. А все почему? Да потому, что молодежь норовит все больше

в банкиры да в менеджеры. А спроси кого из них: хочешь уборщицей быть, говно в подъездах убирать? И что они тебе ответят? Вот то-то!

Я посмотрела по сторонам. Царившая в квартире грязь давала пищу для размышлений. Угадав мои мысли, хозяйка засмеялась.

– Ты по сторонам-то не зыркай. В подъездах у меня идеальный порядок. А тут как хочю, так и живу. Мне за уборку квартиры денег не платят!

Спорить и возражать я не стала.

– Так вы к Иде поедете или нет? – задала я вопрос, заранее зная ответ.

– Погожу пока, – ответила Коровина, – может, на будущий год.

– Письмо сами напишете?

– Пиши ты. Скажи, работы много, никак мне не вырваться. Скажи, для Татьяны Коровиной общественный долг – превыше всего!

И женщина громко расхохоталась. Поддерживать Татьянино веселье я не стала и под залиvistый смех хозяйки покинула квартиру.

* * *

Добравшись до дома, я оставила машину на стоянке, прихватила объемную сумку, которую собирала в дорогу, и, поднявшись на седьмой этаж, оказалась наконец в своей уютной однокомнатной квартире. Удивительное дело! Отсутствовала я чуть больше суток, а квартира уже обрела какой-то пустой, нежилой вид. Или это мое бурное воображение? Чтобы поскорее избавиться от этого чувства, я направилась на кухню, всыпала в кофемолку щедрую порцию кофейных зерен и включила аппарат на самую высокую скорость. Шум работающей кофемолки, запах кофе придали квартире ощущение налаженного быта. А когда по квартире распространился дурманный аромат свежесваренного напитка, тут уж признакам запустения и вовсе пришлось несладко.

Уютно расположившись в кресле, я стала думать, как сообщить тетушке Иде о результатах моего визита. Ясно, что родство Татьяны Коровиной не принесет пожилой женщине ожидаемой радости воссоединения семьи. Вряд ли интеллигентная дама будет счастлива принимать у себя опустившуюся, пьющую племянницу. А уж о том, чтобы сделать ее наследницей семейной реликвии, и речи быть не может. Только вот как поставить Иду в известность? Лишать ее последней надежды мне не хотелось. Но и скрывать от пожилой одинокой женщины правду было бы нечестно. Вот и думай теперь, Танюша, как сделать, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Конечно, внутрисемейные тайны и разборки – не мое дело. Я послание передала, просьбу Иды выполнила. Следовательно, мне беспокоиться не о чем. Но ведь после нашего знакомства Ида Леманн была мне не совсем чужим человеком. Пожалуй, нужно сразу рассказать ей о неблагополучной родственнице и забыть всю эту историю. Или все же не говорить? Пара фраз о сильной занятости племянницы – и я свободна от обязательств... Да, задача!

Как всегда в таких случаях, я решила прибегнуть к помощи магических костей. Попрошу подсказки, как поступить в сложившихся обстоятельствах. Достав мешочек, я вытряхнула его содержимое на ладонь. Подержав кости в руках, метнула их на стол. «2+18+27 – Если Вас ничто не тревожит, готовьтесь к скорым волнениям». Интересно! Что бы это значило? Волнение по поводу предстоящего разговора с Идой Леманн или же меня ожидают события намного более волнующие? Ладно, пора спать. Настанет утро, тогда и решу, как поступить. На свежую, так сказать, голову.

* * *

Утро порадовало веселыми солнечными лучиками, разбегающимися по квартире в разные стороны. От яркого света настроение поднялось в считанные секунды. Кроме того, утро оказалось действительно мудренее, чем предыдущий вечер, и принесло четкий ответ на мои вопросы. Я решилась-таки сообщить Иде Леманн правдивую информацию о ее неблагонадежной родственнице. Пусть ищет наследницу в другом месте, пока еще не поздно.

Я потянулась к телефону. Так, где тут номер моей несостоявшейся тетушки? Нажав кнопку вызова, я прокручивала в уме фразу, с которой нужно начать разговор. Длинные гудки звучали один за другим. Трубку никто не брал. Странно. Насколько я помню, тетушка Ида относится к разряду «жаворонков». Я посмотрела на часы. Десять тридцать две. Ида должна уже давным-давно покончить с завтраком и заниматься повседневными делами. То есть ничегонеделаньем. И помешать взять трубку ей ничто не должно. Если только она не пошла прогуляться. Дышать свежим воздухом в любом возрасте полезно. Только я собралась отключиться, как гудки сменились прерывистым мужским голосом.

– Слушаю вас, – произнес он.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась я. – Пожалуйста, позовите Иду Леманн.

– Кто ее спрашивает? – поинтересовался мужчина.

– Простите, а с кем разговариваю я? Раз уж вы требуете представиться даму, то неплохо бы было для начала представиться самому.

– Старший оперуполномоченный Богацкий.

– Почему вы отвечаете на телефонные звонки Иды Леманн? С ней что-то случилось? – забеспокоилась я.

– С чего вы взяли, что с хозяйкой телефона что-то случилось? Вы что-нибудь знаете? – Речь полицейского стала еще более прерывистой.

– «Что-то» я знаю наверняка, – на дурацкий вопрос я ответила не менее по-дурацки, – «что-то» знает каждый человек. Я, например, знаю закон Джоуля – Ленца, а вы?

Ответ оперуполномоченного не заставил себя ждать:

– Не поверите, но я могу процитировать массу законов. Как вам такой закон: «Человек, препятствующий расследованию преступления, привлекается к ответственности как соучастник данного преступления».

А у нашего стража порядка, оказывается, чувство юмора имеется!

– Слегка переврали, – прокомментировала я, – но в целом неплохо.

– Так, дамочка, поострили и хватит! – Голос оперуполномоченного стал серьезным. – Представьтесь, пожалуйста.

– Иванова Татьяна, – перешла я на серьезный тон. – Скажите, с Идой все в порядке?

– Кем вы доводите госпоже Леманн? – не отвечая на мой вопрос, продолжал Богацкий.

– Никем. Просто случайная знакомая.

– И как «просто случайная знакомая», вы так энергично выпытываете у меня информацию по делу?

Видно было, что Богацкий больше шутить не намерен. По крайней мере, сейчас.

– Ни о каком деле я понятия не имею. Понимаете, – попыталась объяснить я, – Ида Леманн дала мне одно поручение. Я его выполнила и о результатах обещала сообщить по телефону.

– Какого рода дело и когда именно Ида Леманн обратилась к вам с просьбой выполнить поручение?

– Поручение состояло в том, чтобы найти племянницу Иды и передать ей приглашение погостить у тетки. А дала поручение Ида вчера, за завтраком. – Я решила быть откровенной, чтобы быстрее добраться до сути происшествия в доме тетушки.

– Так вы были у Иды в гостях? – задал очередной вопрос оперуполномоченный.

– Была. Даже ночевала, а наутро тетушка Ида обратилась ко мне с просьбой, которую я благополучно выполнила. И теперь мне необходимо сообщить ей результат.

– Вы иногородняя? – Оперуполномоченный продолжил допрос.

– Живу в Тарасове, если вас это интересует. – Я начала терять терпение.

– Каким же образом вы попали в квартиру Леманн, а главное – с какой целью?

– Я приехала по приглашению самой Леманн. Так получилось, что я оказалась не тем человеком, которого ждала тетушка Ида. Но это отдельная история, – подытожила я.

– Это как раз та самая история, которая интересует следствие! – обрадованно воскликнул Богацкий. – И чем быстрее вы ее озвучите, тем лучше для вас.

– Позвольте все же узнать, что произошло? Чем Ида Леманн заинтересовала следственные органы? – не сдавалась я.

– Вам лучше знать, – многозначительно проговорил следователь. – Очень надеюсь, что вы и нас просветите на этот счет.

– Может, хватит уже ходить вокруг да около! – взорвалась я. – Если вы не собираетесь сообщать мне, что произошло с Идой, то я кладу трубку!

Я действительно готова была отключиться, но следующая фраза Богацкого заставила меня передумать:

– Ида Леманн не может подойти к телефону, потому что находится в больнице с диагнозом «обширный инфаркт». А произошел сей казус по той причине, что квартира пожилой женщины была ограблена. Грабитель унес самое ценное для пожилой женщины – фамильную брошь. И, думается мне, вы имеете к этому происшествию самое непосредственное отношение. Ведь вы и есть та самая «фальшивая» родственница Иды? По словам потерпевшей, именно вам она показывала брошь перед тем, как ее похитили. Скорее всего, как раз сейчас участковый направляется по вашему адресу, чтобы передать повестку. Мой вам совет: не стоит бросаться в бег. Для вас будет лучше, если вы как можно скорее приедете в Хаймынск и дадите признательные показания.

– Диктуйте адрес, – коротко произнесла я.

Богацкий не был готов к такому повороту событий. Привыкший к тому, что каждый подозреваемый норовит улизнуть от всевидящего ока правосудия, он ожидал подобного и в этот раз.

– Вы собираетесь приехать сами? – спросил он.

– А разве не этого вы от меня ждете? – задала я встречный вопрос.

Он промолчал. Тогда я решила расставить все по своим местам.

– Уточняю: я собираюсь приехать в Хаймынск и выяснить детали, касающиеся этой пропажи. А заодно восстановить свое доброе имя. Меня, знаете ли, не устраивает, что я числюсь подозреваемой номер один по делу об ограблении старушки. Так вы будете адрес диктовать?

Богацкий продиктовал адрес. Я записала и отключилась.

Вот вам и предсказанные волнения! Хотела родственницей разжиться, а получила неприязни. Теперь хочешь не хочешь, а придется ввязываться в это дело. Иначе можно и срок схлопотать. Бравые работнички правоохранительных органов города Хаймынска ухватятся за первую попавшуюся версию и даже не подумают усердствовать ради того, чтобы восторжествовала справедливость. Собирайся, Танюша, поедем искать правду.

Дорожная сумка была собрана со вчерашнего дня. Разложить вещи по местам вечером руки уже не дошли. Сегодня это было даже кстати. Я решила добавить к моему гардеробу строгий деловой костюм. Для официального визита он подойдет как нельзя лучше. Дверной

звонок возвестил о чем-то приходе. Ожидая участкового, я, не взглянув в глазок, открыла дверь. На пороге стоял Борис. В руках он держал очередной букет шикарных лиловых роз. Я скорчила гримасу, но впустила его. Борис протянул мне букет со словами:

– Мы так давно не виделись, что я решил, будто ты меня бросила!

Ну как объяснить человеку, что между нами нет и не может быть никаких отношений! Сейчас не буду вступать в словесные баталии, не до того. Пусть думает что хочет, а мне торопиться нужно. Я вернулась в комнату и продолжила сборы. Борис следовал за мной по пятам. Обнаружив в комнате битком набитую дорожную сумку, он спросил:

– Ну как прошла поездка? Вижу, ты еще не успела сумку разобрать.

– Поездка прошла неплохо. Последствия неважные. А сумку я не разбираю, а складываю снова. Ты меня буквально в последний момент застал.

– Ты опять уезжаешь? – опечалился мой кавалер.

– Приходится.

– Что, тетушка плоха? Тебе предстоит ухаживать за ней? – еще больше расстроился Борис. – Если твоя родственница так скверно себя чувствует, что нуждается в уходе, лучше нанять профессиональную сиделку. Могу порекомендовать приличное агентство. За проживание в другом городе придется, правда, доплатить, но зато уж фирма обеспечит лучший уход, какой только можно пожелать для обожаемых родственников.

Мне не хотелось посвящать его в подробности, поэтому я предпочла отмолчаться. Но тут, на мою беду, в дверь позвонили снова.

– Не беспокойся, я открою, – поспешно заявил Борис и направился в прихожую.

Зная, кого он там увидит, я приготовилась выслушать целую тираду по поводу моего «несерьезного» отношения к жизни. И не ошиблась. Из прихожей послышался удивленный голос Бориса:

– Танюша, к тебе участковый! Он принес повестку!

Я вышла из комнаты, поздоровалась с участковым, приняла от него листок и спросила:

– Где расписаться?

Он протянул мне бланк, а Борис запричитал:

– Татьяна, ничего не подписывай! Пусть господин участковый сначала объяснит, в чем, собственно, дело? Он обязан это сделать!

Участковый сочувственно посмотрел на меня и специально для Бориса произнес:

– Гражданка Иванова Татьяна Александровна, вы вызываетесь в районный отдел полиции города Хаймынска для дачи показаний по делу об ограблении гражданки Леманн Иды Львовны. Адрес отдела указан в повестке. Зачитать? – вопрос был обращен к Борису.

– Что значит «ограбление»? И при чем тут Татьяна? – не унимался тот. – Она никуда не поедет. Вы не имеете права заставлять ее ехать в такую даль, да еще за свой счет! Вы обязаны допросить ее здесь, в Тарасове!

– Полиция может выделить «уазик», – весело сообщил участковый.

– Угомонись, Борис, – проворчала я. – Я сама собиралась туда ехать. Никто насильно меня не гонит. И вообще это мое дело, не вмешивайся, пожалуйста.

– Как же не вмешиваться! – возмутился Борис. – Должен же кто-то за тебя вступить! Ты о последствиях подумала?

– Только о них и думаю, – подписывая бумаги, произнесла я. – Выезжаю через полчаса.

Последняя фраза была обращена к участковому. Он приложил руку к козырьку и покинул квартиру. Борис продолжал брюзжать. Я, не обращая внимания, завершала сборы. Как только все вещи были упакованы, взяла сумку, давая ему понять, что аудиенция окончена. Борис отобрал у меня сумку и понес к выходу. Я последовала за ним. Подойдя к машине, он остановился. Я приготовилась выслушать очередную нотацию. Но на этот раз Борис ограничился единственной фразой:

– Позвони мне, как доберешься до места.

Я пообещала, что непременно поставлю его в известность, как только устроюсь, бросила сумку на заднее сиденье, завела двигатель и медленно тронулась. Борис стоял, и смотрел мне вслед, пока машина не скрылась за поворотом. Мысленно поздравив себя с благополучным избавлением от назойливого ухажера, я погрузилась в невеселые думы.

С теми фактами, что мне удалось вывести у Богацкого, ясной картины нарисовать, естественно, невозможно. Но в общих чертах выходило следующее: не успела я покинуть пожилую женщину, как некий недоброжелатель воспользовался ее доверчивостью и похитил из квартиры фамильную реликвию. Судя по тому, как легкомысленно Ида относилась к вопросам безопасности, этим недоброжелателем мог быть кто угодно. Если уж она, зная, что я ей вовсе не родственница, а совершенно посторонний человек, все равно продемонстрировала мне семейную ценность, можно представить себе, скольким еще людям была известна эта вещь. Значит, первым делом по приезде в Хаймынск нужно будет встретиться с Идой и попытаться составить список людей, которым было известно о броши. Отсюда и будем плясать. Наверняка в списке наберется десятка два, а то и три претендентов на роль грабителя. Еще нужно будет попытаться расположить к себе следователя. Его помощь может оказаться не лишней. Хотя бы в плане информации.

Примерно на полпути к Хаймынску я увидела на обочине машину, наполовину заваленную снегом. И тут же вспомнила свое путешествие из Хаймынска в Тарасов. Видимо, дороги тут чистили регулярно! Притормозив, я приоткрыла окно и обратилась к мужчине, стоявшему на дороге с удрученным видом:

– Загораете?

– Вынужден. Вот, под снегоочиститель попал, будь он неладен! А вы случайно не в Хаймынск направляетесь?

– Туда. Помощь прислать? – предложила я.

– Было бы неплохо. Только это не главное. Вот если бы вы моих до города подбросили, то очень бы нас выручили.

Я посмотрела по сторонам, бросила взгляд в салон автомобиля и, не увидев ни души, поинтересовалась:

– С семьей путешествуете?

– Всей семьей. За пять лет первый раз за город выбрались – и на тебе! Жена за полчаса всю плешь проела. Так как, выручите меня или мне другой машины ждать?

– Подброшу, не вопрос. Вы их в багажнике прячете? – попыталась пошутить я.

Несчастный глава семейства к шуткам расположен не был. Внимательно посмотрев на багажник собственного авто, он серьезно ответил:

– Багажник пустой. А домочадцы мои по нужде отошли. Скоро вернутся. Вы ведь не очень торопитесь? Подождете? А то, не ровен час, замерзнут они на дороге.

– Подожду, если не очень долго. У меня в Хаймынске дело срочное.

Мужчина засуетился и помчался к ближайшему сугробу, бросив через плечо:

– Пойду потороплю.

Я осталась в машине, ожидая неизвестных пассажиров. Прошло не меньше пяти минут, прежде чем из-за сугроба появилась первая фигура. Это был розовощекий мальчик лет десяти. За ним следовал отец. Подойдя к моей машине, мужчина открыл дверь пассажирского сиденья и сказал мальчику:

– Садись, жди остальных.

Меня слегка озадачила фраза, произнесенная мужчиной, но я промолчала. Мальчик послушно занял место на заднем сиденье, сдвинув мою сумку в дальний угол. Мужчина тем временем снова скрылся за сугробом. Ожидание продолжилось. Мальчик молчал, я тоже. Про-

шло еще пять минут. Картина повторилась. Из-за сугроба показалась фигура подростка. За ним следовал отец.

– Занимай место рядом с братом. Они у нас двойняшки. Вечно что-то делят. Еле докричался их, шалопаев. Позвольте, я вашу сумочку в багажник уберу, – обратился он уже ко мне, – сейчас остальные подойдут.

Я вышла из машины, чтобы убрать сумку в багажник, и застонала. Из-за сугроба показались «остальные». По направлению к моему автомобилю двигалась ватага разновозрастной малышни во главе с дородной мамашей. Мне показалось, что их не меньше сотни. И все они кричали, галдели, скакали в разные стороны! Мамаша быстрым шагом подошла к машине и сразу рассыпалась словами благодарности:

– Вот спасибо так спасибо! А то я уж думала, ночевать в поле придется. С такой-то компанией желающих подвезти разве найдешь! А вы женщина отзывчивая. У самой, поди, ребятшек прорва. Уж и не знаю, как вас благодарить!

Я стояла на дороге с сумкой в руках, понимая, что меня ловко обвели вокруг пальца. Тем временем мамаша запихивала галдящую ораву в салон автомобиля. Дети шумно рассаживались, устраиваясь поудобнее. Последней загрузилась мамаша, заняв переднее сиденье. Мужчина, виновато улыбаясь, забрал у меня из рук сумку, забросил ее в багажник, а заодно перекидал из своего автомобиля пожитки многочисленного семейства.

– Им бы только до города добраться, а дальше они сами, – успокаивающе произнес он. – Они у меня самостоятельные.

– Чего уж теперь, – обреченно произнесла я. И, переходя к практической стороне вопроса, поинтересовалась: – Как вот пост ДПС миновать?

– А это не проблема, – радостно сообщил отец семейства. – Вы, как к посту подъезжать будете, малышня мигом пригнется, их и не видно будет. Они у меня тренированные. Вот увидите!

Вздохнув, я заняла водительское место. Отдавая последние указания, мужчина до пояса влез в салон. Я сидела, ожидая окончания сцены прощания. Наконец мужчина, чмокнув жену в макушку, покинул машину, и мы тронулись в путь.

До города добирались часа полтора. Все это время за моей спиной творилось нечто невообразимое. Старшие дети пытались драться, младшие елозили по всему салону, норовя то вылезти в окно, то перебраться на переднее сиденье. Время от времени старшие принимались дразнить малышку, и те пускались в рев, призывая мамашу урезонить обидчиков. Мамаша не обращала на происходящее ровно никакого внимания. Она блаженно откинулась на переднем сиденье и негромко похрапывала. Я не могла понять, как ей удается спать при таком шуме. Но вот впереди замаячили первые строения. А следом и пост ДПС. Мамаша мгновенно проснулась и, не оборачиваясь, скомандовала:

– Дети, пост!

И тут же, как по мановению волшебной палочки, в салоне установилась полнейшая тишина. Посмотрев в зеркало заднего вида, я поразилась. На заднем сиденье расположились подростки-двойняшки. И все! Больше ни единой души. Покосившись на мамашу, я спросила:

– А остальные где?

– Да на пол улеглись, – спокойно ответила та. – Вот пост мируем – опять появятся.

Мы благополучно миновали пост. Проехали еще метров двести, и мамаша снова скомандовала:

– Отбой!

В зеркало заднего вида я наблюдала картину преображения своего салона. Из всех щелей полезли головы малышни. Через две секунды машина снова напоминала картину из мультипликационного фильма про обезьянок, которых мама-обезьяна вывела на прогулку.

– Нам на Строителей, – безапелляционно заявила мамаша.

– Командуйте, – смирилась я. – Я город совсем не знаю.

– Мама, можно мы дорогу показывать будем? – в один голос закричали двойняшки.

– Показывайте, – равнодушно согласилась мамаша.

Двойняшки радостно завизжали и наперебой начали подавать команды.

– Налево! Нет, сейчас направо! Теперь налево, нет, теперь направо! Еще раз налево! Нет, прямо! – и так до бесконечности.

– Если вы планируете попасть домой засветло, вам лучше взять инициативу в свои руки, – обратилась я к мамаше.

– Вот так всегда! Все нужно брать в свои руки! – посетовала она, но направление все же указала.

Путем невероятных усилий с моей стороны мы добрались до улицы Строителей. Затормозив возле небольшого частного дома, я выбралась на свежий воздух, открыла багажник и принялась выгружать нескончаемые сумки. Дети, один за другим, подхватывали их и исчезали в недрах двора, обнесенного высоким забором. Мамаше сумки не досталось. Я не удивилась. Должен же кто-то и командовать. А сумки носить – дело мужское.

Когда за последним сорванцом захлопнулась калитка, мамаша обратилась ко мне:

– Спасибо вам, душечка! Если бы не вы, пропали бы мы совсем.

С этими словами она принялась совать мне в руку замусоленную сотенную бумажку.

– Бросьте, – отрезала я. – Деньги мне ваши не нужны. Вы лучше на мой вопрос ответьте, и мы в расчете.

– Какой вопрос? – охотно согласилась мамаша.

– Сколько их у вас?

Правильно поняв вопрос, она расхохоталась.

– А вам сосчитать не удалось? Это с непривычки. Девять их у нас. И все мальчишки. А что? По-моему, неплохо. Зато я у них как королева!

Помахав на прощание рукой, «королева» проществовала во двор, не забыв запереть за собой калитку.

«Интересно, про короля она не забудет или ему всю ночь на морозе куковать?» – подумала я, отъезжая.

Глава 3

– Вот, собственно, и вся история. Как видишь, хорошего мало.

Я сидела в районном отделении полиции города Хаймынска и уплетала за обе щеки воздушные пончики, щедро посыпанные сахарной пудрой, запивая это великолепие горячим чаем. Напротив в солидном кожаном кресле восседал мой бывший однокурсник Ромка Хромой – в прошлом бездельник и лоботряс, ныне же начальник районного отделения полиции. Я наткнулась на Ромку, рыская по коридорам в поисках старшего оперуполномоченного Богацкого. Ромка ухватил меня за рукав и потащил к себе в кабинет. Там, после положенных в таких случаях «Как ты?» да «Кого из наших видела?», настал черед вопросу «Какими судьбами в наших краях?». Я вкратце поведала о цели своего визита. Ромка кинулся выяснять подробности дела. А вернувшись в кабинет, начал потчевать меня историей Иды Леманн, а заодно и чаем с пончиками производства любимой супруги.

С Идой теперь было более или менее ясно. В то время когда я наносила визит ее племяннице, в квартире самой тетушки произошло неприятное событие. После сытного обеда моя пожилая знакомая решила прогуляться до ближайшего магазинчика, а заодно подышать свежим воздухом. Отсутствовала тетушка Ида часа два с половиной. Дома ее никто не ждал, поэтому не торопилась. Прошлась по всем отделам супермаркета, приобрела кучу бесполезных вещей. Затем направилась в ближайший сквер, покормила голубей приобретенным в супермаркете батоном. Немного посидела на скамеечке в компании таких же, как она, одиноких пожилых людей. Начало смеркаться, и Ида решила, что пора заканчивать променады. Собрав покупки, она отправилась домой.

Войдя в квартиру, тетушка поначалу ничего подозрительного не заметила. Проследовала на кухню, разложила покупки по местам. А когда пошла в комнату, чтобы расставить на полках приобретенные сувениры, обратила внимание, что от второй входной двери на паркет падает слабый отблеск. Это ей показалось странным. После того как два года назад тетушка пригласила специалиста, который снабдил двери утеплителем, обе входные двери закрывались плотно, не пропуская извне ни воздух, ни свет. Подойдя ближе, тетушка обнаружила, что дверь едва прикрыта. Сначала она решила, что сама забыла закрыть вторую дверь, когда отправлялась на променады. Но потом вспомнила, что вообще не пользовалась сегодня этой дверью.

Почуввав неладное, женщина поспешила проверить сохранность личного имущества. Деньги и документы оказались на месте. А вот фамильная брошь, передаваемая из поколения в поколение, исчезла. Причем шкатулка, в которой Ида хранила семейную реликвию, осталась на месте. И даже замок не был поврежден. Правда, этому удивляться не приходилось. Ключ от шкатулки хранился тут же, в хрустальной вазочке, в куче бытовых мелочей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.